

# ПСИХОЛОГИЯ

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА (ОПЫТ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ)

**А.А. Королёв**

Кафедра истории  
Московский гуманитарный университет  
*Ул. Юности, 5/1, Москва, Россия, 111395*

Методологические и теоретические вопросы, связанные с определением предмета, структуры и методов исторической психологии как интегральной отрасли обществознания, рассматриваются с точки зрения междисциплинарного подхода. Дается историографический обзор проблемы, принята попытка раскрыть содержание понятия «историческая психология», изложено авторское понимание проблемного поля, основы методологического подхода к проблеме, дается характеристика категориального аппарата зарождающейся отрасли обществознания.

Историческая психология отражает двуединый процесс, который происходит в гуманитарных и естественных науках, а именно дифференциацию и интеграцию наук. Так, история и психология взаимопроникают, взаимодополняют (срабатывает универсальный закон дополнительности (Нильса Бора)), взаимообуславливают друг друга, порождают новые интегральные знания, качественно отличные от знаний, свойственных как истории, так и психологии как отраслям обществознания. Всякая совместная деятельность — это не простая сумма индивидуальных и независимых усилий, а качественно иное явление, о котором К. Маркс писал: «Подобно тому, как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие» [1. С. 337].

Весьма примечательно суждение директора Института психологии РАН члена-корреспондента РАО А.А. Журавлёва. «Историческая психология, — писал он, — может рассматриваться в широком и узком смыслах. В узком и более конкретном смысле она является отраслью психологической науки, специально изу-

чающей исторические детерминанты психологии человека, психологические закономерности его взаимодействия с социальной средой, погруженной в историю и культуру общества. В широком смысле историческая психология изучает психологию человека исторического, включая и современного человека, и тем самым она становится специальной отраслью исторической науки, то есть существует общее и специфическое в широком и узком смыслах познания предмета современной исторической психологии» [2. С. 8—9].

Буквально на глазах рождается синтетическая дисциплина «Историческая психология», которая еще никак не конституируется с точки зрения устойчивого понятийного аппарата и определенного места в структуре системного гуманитарного знания. Историческая психология до сих пор связана с такими смежными дисциплинами, как отечественная и всеобщая история, социальная психология, история психологии, социальная, политическая психология, соционика и т.д.

Общеизвестно также, что наиболее выдающиеся открытия совершаются на стыке наук как гуманитарных, так и естественных. Не случайно появление, например, таких наук, как физическая химия, политическая и социальная философия, историческая культурология, социентальная социология и т.д.

Тематика исторической психологии связана с рядом проблем социокультурной и ментальной жизни народов в прошлом, которые носят неявный, латентный (скрытый) характер.

Ученый с мировым именем М. Блок обратился к согражданам: «Нам надо лучше понимать душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче чтобы их избежать, пока еще есть время. При условии, что история откажется от замашек карающего ангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъяна». Далее следовало его резюме: «Ведь история — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской» [3. С. 82].

В истории всегда присутствовало сильное психологическое начало. Всегда были, есть и будут мотивы, воля, вера и сомнения действующих лиц, акторов, иными словами, психологический мир человека разумного. Идет как бы диалог истории и психологии, постоянный, непрерывный. Меняется историческая ситуация, меняются обстоятельства, нравы, меняется и психология личности, народов.

Что изучает историческая психология? Тут самое время дать ответ: эта дисциплина изучает психический мир *человека исторического*. Обратимся к классику экзистенциализма Ж.П. Сартру. Вот что он пишет: «Но в этом живом универсуме человек для нас занимает привилегированное место. Прежде всего потому, что он может быть историческим, т. е. беспрестанно определять себя своей собственной практикой через претерпеваемые или вызываемые изменения и их интериоризацию с последующим превосхождением самих интериоризованных отношений» [4. С. 205—206]. Таким образом, человек исторический — это деятельный и рефлексирующий человек.

Историческая психология — это интегральная отрасль гуманитарного знания, которая изучает эволюцию умонастроений и поведения людей, нравов, обы-

чаев и традиций людей (человека) в историческом времени и пространстве. Историки и психологи совместными усилиями (и в одиночку) стремятся выявить индивидуальное и типичное в истории, психологическую составляющую в историческом процессе, отразить своеобразие, неповторимость, колорит минувшей эпохи. Желание показать человека в повседневной жизни, вырвать его из толпы, преодолеть стереотипы мышления и поведения «массового человека», вырваться из пут исторического материализма, населить историю «живыми», чувствующими, а то и бунтующими субъектами побудило ряд историков обратиться к уникальному и казусному. Определенное влияние на отечественную науку оказывают идеи постмодернизма. Отсюда — внимание к частному, экзотическому, стремление изучить текущие процессы с точки зрения «здесь и теперь». Историческая психология — ключ к пониманию страстей человеческих, драмы борьбы людей и идей.

Изучая человека исторического, мы, историки, стремимся выявить историческую обусловленность психологических процессов, происходящих с учетом национальных, геополитических факторов, религиозных и культурных традиций. Без исторического контекста мы не можем понять умонастроения, деятельность, психологию людей ушедших эпох, их поступки, которые порой шокируют современного человека. Контекст, по мнению ряда ученых, дает на порядок выше информации, чем сам человек.

Как известно, человек живет одновременно настоящим, прошлым и будущим. Установлено, что он может воспринимать настоящее только на протяжении девяти секунд. Все остальное — прошлое и будущее [5].

Психологи изучают проблемы формирования психологии человека разумно в рамках онтогенеза (период жизни отдельного человека), историогенеза (жизни человеческих общностей) и филогенеза (от происхождения человеческого рода от ископаемых приматов [6. С. 17]. Применительно к человеку историческому они используют свой понятийный аппарат и методологический инструментарий: «восприятие», «память», «воля», «внимание», «темперамент» и т.д., а также общенаучные понятия: «эволюция», «человечество», «общество» и т.д.

Правда, есть и другое мнение, которое исходит от представителя исторической науки Л. Февра. По его мнению, плодом сотрудничества истории и психологии должно стать создание исторической психологии. Только она сможет покончить с психологическим анахронизмом, модернизацией ушедших эпох, т.е. проецированием в прошлое самих себя, со всеми своими чувствами, мыслями, интеллектуальными и моральными предрассудками, открывая в исторических персонажах черты, которыми сами их и наделяли. Психологи, подчеркивал известный французский историк, должны направляться «историками, которые, будучи должниками психологов, должны взять на себя заботу об организации их труда. Совместного труда. Яснее говоря — труда коллективного» [7. С. 97].

Тут мы должны сказать, что психологи по сравнению с историками более широко используют математический аппарат (они применяют и кластеры, и дифференциальные уравнения и т.д.). Вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением А.Д. Збарской о том, что «введение психологической модели состав-

ляет специфику психолого-исторической реконструкции, и вместе с операционализированной структурой процедуры исследования принципиально отличает метод от искусства историка, основывающегося на интуиции» [8. С. 16].

Существует мнение, что к сфере методологии относятся философские принципы. Конкретные же методы и процедуры познания выходят за рамки философии. Понятия «методология» и «метод» различаются по следующим основаниям. *Методология* — это мировидение, т.е. видение реальности или ее фрагментов в качестве предмета или объекта исследования. *Метод* же определяет конкретный путь познавательной деятельности. И то, и другое есть средства или совокупность средств исследований, но на разных уровнях [9. С. 31].

Тем не менее в последние годы утверждается мнение, что методология — это совокупность исследовательских процедур, общенаучных и специальных методов, причем философские принципы входят в них как важнейший смыслообразующий компонент. Справедливости ради следует сказать о том, что выявилось стремление представителей различных наук выйти из-под «философской опеки». Логика их рассуждений проста: методологический бум закончился, пришло время технологий. По мнению профессора В.М. Межуева, единственная позиция философа — это критика современности, поиск нового согласия, консенсуса между людьми и властью. Думается, критика — это хорошо, но поиск идеала, смысла жизни еще лучше. Философия как мировоззренческий ориентир не умерла, как считают постмодернисты, ее просто вытеснила философия делячества, утилитаризма, оправдания социальной несправедливости.

Постмодерн коснулся не только философии, но и исторической науки. Споры о постмодернизме как вызове гуманитарным наукам стали слабее, отмечает Й. Рюзен, немецкий методолог, но угроза ее исторической науке все еще сильна [10. С. 9—10].

Несколько слов о теоретико-методологических основаниях исторической психологии. Выявить их далеко не просто: можно впасть в методологический монизм, донельзя схематизировать путь познания интегрального знания, каковым является историческая психология.

Видимо, если следовать троичности существующего мира (имеет право на жизнь и двоичность!), то можно выделить три уровня познания. Первый уровень — это выявление общих законов (гносеологических и онтологических), определяющих становление и развитие Универсума.

Второй уровень познания — теория среднего уровня, основывающаяся для исторической науки на философии истории, для психологии — на философии психологии. Правда, раздаются голоса, что для исторической психологии такой теорией среднего уровня может выступить синергетика как модель современной междисциплинарной теории самоорганизации и коэволюции сложных систем [11. С. 4]. Сразу скажем: мы не разделяем эту точку зрения. Синергетика скорее может выполнять роль одного из междисциплинарных подходов при исследовании интегральных областей гуманитарного знания. Более подробно о синергетике мы скажем позже.

Третий — инструментальный — уровень, который оперирует эмпирическими данными. Надо полагать, что историческая психология как синтетическая отрасль обществензнания в зависимости от уровня обобщения исторической реальности, рефлекслирующего сознания исследователя, иерархичности знаний в этой области опирается на указанные три уровня познания.

Нельзя не отметить трудности становления исторической психологии, ее легитимизации и конструирования в автономную дисциплину. Это обусловлено не только различиями места истории и психологии в структуре гуманитарного знания, но и серьезными расхождениями в понимании теоретических построений указанных дисциплин [12].

В зарубежной историко-философской мысли нет единства в вопросах понимания предметного поля исторической психологии. Так, в Германии ощущается сильное влияние традиционной философской школы, связанной прежде всего с Гегелем, на определение нарождающейся интегральной научной дисциплины. Здесь «исторической психологией» называют исследования, продолжающие романтическую традицию «истории духа». Естественно, такой подход резко контрастирует с отечественной психологической наукой, основанной на эксперименте и рациональных процедурах. Во Франции, наоборот, историческая психология, имеющая богатую литературу, строится на рационалистических началах. Обнаруживается сильная материалистическая традиция, представленная А. Валлоном, И. Мейерсоном, Ж.-П. Вернаном. Они развивают принцип социальной детерминированности и тем самым исторической изменчивости всех психологических функций людей [13].

Нельзя не отметить влияние на формирование исторической психологии такой научной школы, как «Анналы» (М. Блок, Л. Февр, Бродель и др.) [14].

В США историко-психологические исследования, получившие название «психоистории» и сосредоточенные вокруг нового междисциплинарного журнала «History Childhood Quarterly» (с 1973 г.), развиваются в основном в русле неофрейдизма [15. С. 21].

Особенно большим влиянием пользуются в США идеи Э. Эриксона, автора одной из наиболее разработанных теорий психологического развития личности, основанной не только на клинических данных, но и на изучении исторических биографий (ему принадлежат работы о молодом Лютере и о Ганди) [16. С. 21].

Эта пестрота теоретических ориентаций, естественно, мешает формированию исторической психологии в самостоятельную дисциплину, хотя, как считает известный методолог и сексолог И. Кон, как предмет исследования она уже сложилась [17. С. 21].

Определенный научный интерес представляет история исканий в сфере исторической психологии. Один из путей синтеза истории и психологии, как было отмечено, — это школа американской психоистории. Как пишет Л.В. Спицина, «сложившись под влиянием работ психоаналитиков, особенно Э. Эриксона, идей французского социолога Ф. Арнеса, психоистория фактически вынуждена была искать нечто среднее „между антиисторичностью психоанализа и релятивизмом описательного историзма... Психоисторические работы посвящались

психологическому описанию и объяснению исторических личностей и социальных групп, психологической интерпретации исторических событий и периодов в истории различных народов» [18. С. 10].

О наличии психолого-исторических исследований говорится в трудах современных отечественных психологов, причем в качестве синонима они употребляют словосочетание «историческая психология». Получился своеобразный парадокс: психологи говорят о психологической истории, а историки — об исторической психологии, хотя по идее историки должны в качестве объекта своего исследования брать базисное понятие «психология», а психологи — «история». Но в действительности все иначе. Срабатывает, видимо, закон диалектики.

При разработке концепции теоретико-методологических проблем научной дисциплины и учебного курса «Историческая психология» представляется целесообразным опираться на наработки в области новой отрасли исторического знания «Интеллектуальная история», которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты. Особое внимание эта историческая дисциплина уделяет комплексному изучению сложного феномена исторической памяти и анализу исторических концепций и представлений о прошлом как элементов социальной, политической, этнической и конфессиональной идентичности. Этой цели служит Центр интеллектуальной истории РАН, который подготовил 15 выпусков альманаха интеллектуальной истории «Диалог со временем» [19].

Методология изучения социальной памяти в контексте культуры ориентирована на комбинацию микро- и макроподходов, позволяющую рассмотреть изучаемый феномен в трех аспектах: социальном, культурном и индивидуально-психологическом. Ставится проблема «сложения» и взаимопроникновения индивидуального и социально-исторического опыта. Предложен новый подход, в основу которого положен синтез социокультурной и интеллектуальной истории, что предполагает анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающим и теоретическое, и идеологическое, и обыденное сознание [20. С. 6—7].

Известно, что любая наука, в том числе и историческая психология, оперирует своими категориями и понятиями, которые выражаются в терминах. Для того, чтобы слово могло отражать научное понятие, нужно, чтобы в одно слово вошли различные варианты значений, как говорит Р. Козеллек, «концентраты множества значений и конкретных форм исторического опыта» [21. С. 134].

Прежде чем говорить о тех понятиях, которые используются специалистами по исторической психологии, необходимо сделать одно методологическое замечание. Прислушаемся к суждению А. Про, известного французского историка, о соотношении понятия как логического конструкта и отражаемой им исторической реальности. «Нельзя, следовательно, утверждать, — пишет он, — что понятия предписывают истории строгий логический порядок. Правильнее было бы говорить не об уже сформировавшихся понятиях, а о концептуализации как операции и исследовании или о возведении лексических единиц в ранг понятия. Кон-

цептуализация упорядочивает историческую реальность, но это упорядочение — относительное и всегда лишь частичное, ибо реальное никогда не может быть сведено к рациональному; оно, реальное, всегда содержит элемент случайности, и конкретные особенности неизбежно нарушают красоту и порядок концептов. Исторические реалии никогда не соответствуют полностью понятиям, с помощью которых мы их мыслим; жизнь без конца выходит за рамки логики, и в списке рационально выстроенных существенных черт, составляющих понятие, всегда имеются такие, которые обманывают наши ожидания, либо имеют какую-нибудь непредвиденную конфигурацию. Все это ведет к весьма серьезным последствиям: концептуализация вносит в реальное некоторый порядок, но это несовершенный, неполный и неправомерный порядок» [21. С. 139].

Какой же следует вывод из сказанного? Для того, чтобы адекватно отразить историческую реальность, необходимо категории и понятия науки проявлять, развивать, развертывать, обогащать их содержание.

Мы исходим из совета классика (так называемая «бритва Оккама») не умножать без нужды сущности. Пока историческая психология не вступила в период зрелости, лучше и продуктивнее будет использовать уже имеющиеся понятия, апробированные как исторической, так и психологической наукой, как-то: историческая общность, личность, ментальность, мотивация, образ, представления, историческое сознание (это понятие в обиходе и философской, и социологической, и культурологической наук) и т.д. Вообще-то говоря, история постоянно заимствует понятия у смежных дисциплин. Как правило, обмен понятиями происходит в одном направлении, история импортирует, но не экспортирует [21. С. 140—141].

Известно, что проблема понятийного аппарата — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Вместе с тем не могут не тревожить процессы утраты критериев научности, деформации и дезинтеграции научного знания, размывания грани между наукой и лженаукой. «Провозглашаемые под видом иного („нетрадиционного“, „альтернативного“, „паранаучного“, несправедливо ранее отверженного) знания, — отмечает член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко, — постулаты настойчиво и безапелляционно претендуют на истину в последней инстанции под благовидным предлогом многозначности, что приводит к тому, что астрономию уже не отличают от астрологии, химию от алхимии, историю от фантасмогорических изысков типа Фоменко и его последователей» [22].

Нельзя не обратить внимание на реально существующий процесс — метафору понятий (особенно в общественных науках), о котором говорил известный философ и культуролог В. Налимов. Это связано, видимо, с усложнением общественной жизни, уплотнением исторического времени, с одной стороны, и влиянием постмодернизма и ценностно-нормативного релятивизма.

При рассмотрении человека исторического новейшего времени нельзя не отметить тревожную тенденцию, а именно — размывание научных фактов, слияния fiction с non-fiction, исторической реальности, документалистики с ав-

торским вымыслом, что проявилось в деятельности литераторов, имеющих историко-архивное образование (Э. Радзинский) [23].

Одна из проблем, с которой сталкиваются специалисты по исторической психологии — это парадоксальность исторического (общественного) сознания.

Парадокс, как известно, — это странное, расходящееся с общепринятым мнение или высказывание, на первый взгляд противоречащее здравому смыслу, кажущееся невероятным. Парадоксальность, как считает Ж.Т. Тощенко [24], особенно остро проявляется в переходный период общественного развития, когда появляются новые цели, новые взгляды, оценки. В то же время маховик социума раскручен, воспроизводятся и старые формы бытия. Получается так, что человек переходной (революционной) эпохи, нередко искренне преследует взаимоисключающие цели. В этой связи очень важно «вжиться» в генезис идеи парадокса, мифа, стереотипа, фрустрации.

Думается, для изучения формирования исторического (общественного) сознания различных стереотипов поведения в рамках кросскультурных исследований могут успешно использоваться психосемантические методы, которые, по словам психологов МГУ В. Ф. Петренко и О. В. Митиной, позволяют реконструировать представления и установки [25].

Есть «импортные» идеи, привнесенные в науку ради моды, а есть идеи, которые органически постепенно входят в копилку отечественной научной мысли. Среди них — синергетика. Синергетика переводится с греческого как «энергия совместного действия». Синергетику называют наукой о сложном, учением о самоорганизации, об универсальных закономерностях эволюции сложных динамических систем, претерпевающих резкие изменения состояний в периоды нестабильности. Если говорить о заемных теориях, методах познания, то налицо синтез трех главных способов развития фундаментальных и прикладных исследований: импорта концепций, развития прежних подходов и разработки новых авторских теорий. Гармоничное сочетание названных путей рассматривается как модель успешного развития не только для социальной науки, но и для практического использования [26. С. 35].

Основатели синергетики как междисциплинарного метода (а синергетика существует более четверти века) неоднократно заявляли, что она не претендует на роль некоего «философского камня», решающего все научные проблемы.

Возникновение синергетики было неоднозначно воспринято научным обществом. Одни ученые говорили о новой парадигме в естествознании, социальных и гуманитарных науках на базе кооперации фундаментальных наук и их методов; другие не видели в синергетике ничего нового по сравнению с современной теорией нелинейных колебаний и волн; третьи склонялись к мнению, что синергетика всего лишь объединяющий лозунг и ничего более, и высказывали недоумение по поводу нездорового, по их мнению, ажиотажа, вызванного новым направлением.

Среди ряда историков выявилось неприятие синергетики. Они говорили, что происходит подмена устоявшихся понятий «революция», «случайность», «деста-



билизация» на новые понятия типа «бифуркация», «флуктуация», «энтропия». Определенный смысл здесь имеет место. Дело в том, что описанные историками события (например, революция 1917 года) подтвердили сложные математические модели, созданные синергетиками-математиками. Вместе с тем такой известный исследователь «красной смуты», как В.П. Булдаков с известными оговорками принимает синергетический подход в истории. Он писал: «Очевидно, что механизм развертывания кризиса был заложен в российском психоментальном пространстве задолго до 1917 г. Однако понадобилась мировая война (экстремальное воздействие на систему извне) и связанная с ней обвальная десакрализация царской власти (осуществленная не без помощи западных элит), чтобы маховик кризиса начал раскручиваться. Это был синергетический, а не революционно-эволюционный процесс: деструктивный этап кризиса продолжался до тех пор, пока архаичная социальная энергия не истощилась. Что касается рекреативной стадии кризиса, то, очевидно, она оказалась связанной с большим или меньшим совпадением силовых импульсов „общинного“ государства и традиционалистской массы» [27. С. 43—44].

Синергетики активизировали вопрос об альтернативности истории, хотя проблема поливариантности исторического процесса стоит уже более десятка лет в исторической науке.

Еще недавно тезис о том, что история не имеет сослагательного наклонения, был доминирующим среди отечественных и зарубежных историков. Большинство ученых утверждалась бесполезность познания каких-либо иных, «альтернативных», «возможных» вариантов исторического развития [28. С. 5].

Но в последнее время ситуация изменилась. Английский ученый А.Д. Тош прямо указывает, что «история — это перечень альтернатив» [29. С. 37].

А.А. Бушков в сослагательном наклонении размышляет в своем труде о России, которой не было, а математик А.К. Гуц выпускает книгу «Многовариантная история России» [30]. Известный российский футуролог И.В. Бестужев-Лада в своих последних трудах производит мысленные операции по удалению реальных лиц и событий из исторического процесса и размышляет о возможных последствиях. Тема альтернативности разрабатывается историками академиком Ю.А. Поляковым, А.А. Даниловым, Б.Г. Могильницким. Проблема альтернативности применительно к Октябрьской революции разрабатывалась в трудах академика П.В. Волобуева.

Традиционная история делала акцент на одном конкретном историческом пути. Теоретическая история может поставить во главу угла не только реальность, но и возможности, ситуации выбора, точки бифуркации исторического процесса. Теоретическая история должна иметь дело не только с критическим анализом прошедшего, но и с «сослагательным наклонением». Анализ альтернативных путей развития позволяет лучше уяснить уже состоявшуюся историю и «спроектировать» будущую. Сейчас многие «нелинейщики», разочаровавшись в достижениях макромира, обращают свои взоры к тайнам микромира. Они пришли к выводу, что в XXI веке поставщиком сверхзадач станут науки о человеке, прежде всего психология и история.

С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, известные в России синергетики, представители естественных наук, считают, во-первых, что от глубины понимания в этих двух областях непосредственно зависит, насколько достоверным и разумным будет прогноз развития человечества. Во-вторых, в этих областях мы имеем дело со сложными, необратимо развивающимися, часто уникальными системами. Такие системы бросают вызов традиционной методологии, принятой в естествознании, и требуют глубокого осмысления, использования опыта анализа, которым располагают гуманитарные дисциплины. В-третьих, процессы, исследуемые историей и психологией, обладают обманчивой «прозрачностью», потому что мы сами являемся частью исследуемой системы, и это приводит к необходимости использовать своеобразный подход, позволяющий не доверять «очевидным» вещам [31. С. 74].

Несколько слов об использовании синергетического подхода к психологии. Психологи, по сравнению с историками, более подготовлены к восприятию синергетических проблем прежде всего потому, что лучше освоили математический аппарат: сложные системы, неопределенность, бифуркация (ветвление, взрыв), хотя историки стали использовать количественные методы для изучения широких массивов источников еще в середине 60-х годов XX века. Например, Б. Литвак обрабатывал данные уставных грамот сельских обществ. Для объектов психологии характерны все свойства эволюционных сложных систем, изучаемых синергетикой, иерархичность, нелинейность, незамкнутость, неустойчивость. Поэтому психологи опередили историков в использовании синергетических методов к своей науке [32].

В первом выпуске «Синергетика и психология» представлены труды психологов П.К. Анохина, И.Н. Будановой (Россия), В. Сулиса (Канада), К. Прибрама, Ф. Абрахама, С. Гнетелло (США), Г. Ван-Дер-Маасы (Нидерланды) и др. Создано Международное общество теории хаоса в психологии и науках о жизни. Издается журнал «Нелинейная динамика в психологии о науках и жизни».

Что касается историков, то приложением синергетического подхода к историческим исследованиям занимался историк и культуролог Ю.М. Лотман [33].

Наиболее продуктивно в настоящее время занимается внедрением синергетического подхода в исторические исследования лаборатория исторической информатики исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ее руководитель Л.И. Бородкин [34]. В одной из работ лаборатории с позиций синергетического подхода рассматривается динамика рынка акций на петербургской бирже в первом десятилетии XX века [35]. В другой статье изучена динамика стачечного движения в России в конце XIX — начале XX века [36].

Синергетика как способ самоорганизации общества еще не раскрыла своих потенциалов. Постиндустриальную эпоху можно рассмотреть как переходный этап к новому типу цивилизации. Академик В. Степин, автор известных работ по теории познания и философии науки, директор Института философии РАН, размышляет о содержании нового типа человеческого развития: «Если новый тип цивилизации возникнет, то, думаю, это не будет ни возвратом к традиционалистскому, ни продолжением техногенного. Будет третья. Хотя некоторые черты предшест-

вующих типов могут быть синтезированы. Предпосылки уже есть. Современные стратегии деятельности со сложными синергетическими системами, в которые включен человек, во многом перекликаются с тем же самым принципом „у-вэй“ и древнеиндийскими идеями ненасилия» [37].

От себя добавим: чтобы человечеству выжить под напором глобальных вызовов, следует руководствоваться идеями русских космистов (Н. Федорова, В. Вернадского, К. Циолковского, Н. Рериха и др.) о новой этике глобального выживания ноосферного видения мира, об освоении космического пространства.

Здесь мы исходим из ментальной природы русского мессианского типа личности, отличающегося от фаустовско-прометеевского, т.е. западного. Для указанного типа есть потребность выйти за пределы существующей реальности в иные миры. В постиндустриальной эпохе сработает космологический архетип как древняя основа циклизма, загнанный в подсознание. Вот тут-то и приходит, по мнению известного историка культуры Н. Хренова, время реализации потенциала мессианского типа личности, вдохновляющегося не волей к власти, а стремлением к соединению разобщенного, к примирению и любви [38].

Ю. Лотман на протяжении всей своей жизни отказывался от создания систематического обзора основ семиотического знания, потому что причислял себя к ученым «первого типа» — тем, которые ставят задачи; «второй» же тип исследователей их разрешает, в их задачу и входит подводить итоги, классифицировать и собирать в систему полученные знания. «Найти правильный вопрос, — считал Лотман, — бывает труднее и ответственнее, чем дать на него правильный ответ» [39].

Сегодня исследователи исторической психологии поставили больше вопросов, чем дали ответов. Что делать, мы идем по лотмановскому пути.

## ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
- [2] Журавлев А.Л. Историческая психология в контексте современной психологической науки // Историческая психология: предмет, структура и методы. — М., 2004. — С. 8—9.
- [3] Блок М. Апология истории и ремесло историка. — М., 1986. — С. 82.
- [4] Сартр Жан Поль. Проблемы метода. — М., 1994. — С. 205—206.
- [5] См.: Независимая газета. 2003. 26 февраля.
- [6] См.: Шкуратов В.А. Историческая психология. — М., 1997.
- [7] Февр Л. Бой за историю. — М., 1990.
- [8] Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека. — М., 1998.
- [9] См.: Келле В.Ж. Проблемы многомерности в методологии социально-исторического познания // Проблемы исторического познания. — М., 2002.
- [10] См.: Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. — М., 2001. — С. 9—10.
- [11] См.: Князева А.И., Курдюмов С.П. Основания синергетики. — СПб, 2002.
- [12] См.: Румянцева М.Ф. Теория истории: Уч. пособие. — М., 2002.
- [13] См.: Могильницкий Б. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II: Становление «новой исторической науки». — Томск, 2003.

- [14] См.: *Розовская И.И.* Проблематика социально-исторической психологии в зарубежной историографии XX века // *Вопросы философии*. — 1972. — № 7.
- [15] См.: *Mazlish B.*, ed. *Psychoanalysis and History*. Prentice-Hall, 1963; *Wolman B.B.*, ed. *The Psychoanalytic Interpretation of History*. — N.Y., 1971.
- [16] См.: *Философия и методология истории*. — Благовещенск, 2000.
- [17] См.: *Кон И.* История в системе общественных наук // *Философия и методология истории*. — Благовещенск, 2000.
- [18] *Спицина Л.В.* Историко-психологическая реконструкция становления норм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период (10—20-е годы XX столетия). Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — М., 1994.
- [19] См.: *Диалог со временем*. Вып. 1—17 / Под ред. Л.П. Репиной и В.И. Уколовой. — М., 1999—2007.
- [20] См.: *Репина Л.П.* Социальная память и историческая культура: от античности к новому времени // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. — М., 2001.
- [21] Цит. по: *Про Антуан*. Двенадцать уроков по истории. — М., 2000.
- [22] *Тощенко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // *Социс*. — 2002. — № 9. — С. 3.
- [23] *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. — М., 1998.
- [24] См.: *Королёв А.А.* Образ России глазами иностранцев: через призму истории (проблемы и суждения) // *Обновление России: трудный поиск решений*. Вып. 9. — М., 2001; Он же. *Россия глазами иностранцев: история и современность* // *Культура. Политика. Молодежь*. Сб. научных статей. Вып. 4. Ч. II. — М., 2001; Он же. *Историческое сознание* // *Российская цивилизация: энциклопедический словарь*. — М., 2001; Он же. *Историческое сознание: структуры, содержание понятия, проблемы формирования* // *Историческое сознание: разбегающиеся смыслы*. — М., 1997.
- [25] См.: *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Россиянки и американки: стереотипы поведения (психосемантический анализ) // *Социс*. — 2001. — № 8; *Петренко В.* Основы семантики. — М., 1997; Он же. *Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям* // *Советская этнография*. — 1987. — № 3.
- [26] См.: *Кирдина С.Г.* Импорт концепций, прежние подходы или новые самостоятельные теории? // *Социс*. — 2001. — № 8. — С. 35.
- [27] *Булдаков В.П.* Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // *Россия и мир*. — 2001. — № 2. — С. 43—44.
- [28] См.: *Нехамкин В.А.* Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути решения. — М., 2002.
- [29] *Тош А.Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — М., 2000.
- [30] См.: *Бушков А.А.* Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. — М., 1999; *Гуц А.К.* Многовариантная история России. — М., 2000.
- [31] См.: *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 3. — М., 2003.
- [32] См.: *Синергетика и психология. Тексты*. Вып. 1. Методологические вопросы / Под ред. И.П. Трофимовой и В.Г. Буданова. — М., 1999; *Синергетика и психология. Тексты*. Вып. 2. Социальные процессы / Под ред. И.Н. Трофимовой. — М., 1999; *Chaos theory in psychology* // Ed. F.D. Abraham and A.R. Gilden. Westport, Conn, 1995.
- [33] См. подробно: *Андреев А.Ю.* «Клио на распутье». Развитие новых методологических процессов в трудах Ю.М. Лотмана // *Информ. бюллетень ассоциации «История и культура»*. — 1997. — № 20.
- [34] См.: *Бородкин Л.И.* «Надломы цивилизации» в свете исторической синергетики // *Россия в XX веке*. Сб. статей к юбилею проф. Л.И. Семенниковой. — М., 2003; Он же. Ис-

тория и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Проблемы исторического познания. — М., 2002; Он же. Концепция синергетики и изучение альтернатив исторического процесса // Россия в XX веке: Проблемы изучения и преподавания. — М., 1998; Он же. «Порядок из хаоса: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. — 2003. — № 2.

- [35] См.: *Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Левандовский М.И.* Методы синергетики в изучении динамики курсов акций на петербургской бирже в 1890-х гг. // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. — М., 2001.
- [36] См.: *Andreev A., Borodkin L., Levandovski M.* Applying Chaos Theory in Analysis of Social and Economic Processes in Tsarist Russia // Data Modelling, Modelling History, Proceeding of the XI International Conference of the Association for History and Computing. — Moscow, 2000.
- [37] *Стенин В.* Кто приговорил цивилизацию // Российская газета. 2003. 5 марта. «У-вэй» учит, что необходимо чувствовать ритмы живого мира и способствовать росту, минимально вмешиваясь в сам процесс.
- [38] См.: *Хренов Н.* Культура в эпоху социального хаоса. — М., 2002.
- [39] Книжное обозрение. — 2003. 20 января.

## **HISTORICAL PSYCHOLOGY: THE SUBJECT AND STRUCTURE (experience of the scientific reflection)**

**A.A. Korolyov**

The Department of History  
Moscow Humanitarian University  
*Yunosty str., 5/1, Moscow, Russia, 111395*

Through the prism of the interdisciplinary approach the author examines a number of the methodological and theoretical matters connected with the definition of the subject, structure and methods of historical psychology as integral branch of social science. In the article the detailed historiographic review of the problem is presented, rather a successful attempt to reveal the contents of the concept «historical psychology» is undertaken, an original view of the problem field and the methodological bases is stated, the categorial apparatus of the arising branch of social science is characterized.